

Светлана Февралева,
шеф-редактор газеты
«Пензенская правда»,
город Пенза

ПУСТЬ КНИГА НЕ КОНЧАЕТСЯ

Очерк всегда считался венцом журналистской эволюции.

С этого жанра начался и обратный ход, когда в 1990-е годы под влиянием оккупантов и их грантов стало вымываться все, что обращено к душе человека. Не надо живописать, размышлять, анализировать, взывать к добру. Общественное мнение формировать надо, но только в одном русле: в России все плохо. «Желтуха» и «чернуха» приветствовались

Нужна была только информация — что, где, когда. Насаждался так называемый информационный стиль.

Не сразу, конечно, это все внедрялось. Старая гвардия сопротивлялась. Были и смешные моменты. Я пришла в газету «Пензенская правда» как раз в тот период. Редактором, впервые по выбору коллектива, а не обкома КПСС, стал тогда Евгений Васильевич Большаков. Мощный человек, талантливый журналист-сельхозник, правда, ушибленный партией.

Однажды он написал критический материал о приписках в хозяйствах ради галочки и был вызван в обком на заседание какой-то комиссии, где его так отчитали, что, выйдя из правительственного здания, он направился к реке Суре с твердым намерением утопиться.

Все-таки не утопился, но так возненавидел всякие заседания, что отменил даже планерки в редакции. Поскольку коллектив был профессиональным, все шло нормально. Но что-то надо было менять, чтобы завоевать читателя (подписка шла уже без помощи административного ресурса).

Неформальный лидер коллектива Татьяна Дмитриевна Даниленко, чудесная журналистка, душа-человек, инициировала собрание, на котором и выступила. Она говорила, что надо искать новые темы, менять стиль, вообще становиться более современными.

Евгений Васильевич слушал, слушал и — хрясть кулаком по столу:

— Пока я жив, слова «презерватив» в газете не будет!

— Да сколько же ты шьешь?! — удивилась как-то портниха. — За материалом, да за материалом! А материала надо много. Особенно для очерка. Композиция, портрет, пейзаж, внутренний монолог... Мировоззренческий жанр, по творческим приемам — на стыке публицистики и художественной литературы.

Из горстки глины не слепишь скульптуру человека в рост, без понимания сути героя, его не полюбишь, без любви — не вдохнешь жизнь в свое произведение. Вот так все так просто.

Как-то говорю журналистке, мол, в таком-то районе интересный человек, поезжай дня на два. Она аж в визг: «Не поеду с ночевкой! Ни за что. Никто не ездит, а я что, дура?» Да нет, умная. Если, к примеру, в Москву или в Сочи, так и на месяц готова. Это мы раньше были дураками. Поедешь, бывало, в район, поселишься в гостинице или прямо у героя будущего очерка ночуешь. Интересно. Романтика. Помню, ездила в Кузнецкий район к молодому парню, который воспитывал четверых братьев и сестер — не отдал их в казенный дом после смерти родителей.

Была зима, холодно, я спала на раскладушке среди детей, а потом весь день ездила в кабине грузовика с героем — мы возили комбикорм на ферму и разговаривали. Он рассказывал о своей мечте построить большой дом, в котором будут жить все вместе — он и его братики, сестрички, и чтоб вокруг был сад... Вернулась домой грязная (была в красном зимнем пальто), но счастливая.

А после другой командировки — в Малую Сердобу — я лежала на диване и плакала. Родные сбежались, мол, что такое? «Хочу к Месяцу», — говорю. Месяц — это фамилия. Сергей Месяц был последователем педагога-новатора Михаила Петровича Щетинина, известнейшего во времена перестройки. По приглашению нашего губернатора этот Щетинин приехал со своими учениками в область, чтобы создать школу гармоничного развития. Но что-то не сложилось, и новатор убыл, а ученики остались. Один из них, как раз Сергей Месяц, создал такую школу в районе, даже не просто школу, а комбинат детский сад-школа.

Там была потрясающая атмосфера. Прожив два или три дня в этой гармонии, я не хотела уезжать.

Но пришлось. Вот и плакала с горя весь вечер. А Месяца местные чиновники мутузили, мутузили — не вписывался, конечно, и наконец съели. Сейчас он священник, служит в Сердобской епархии. А в поселке Затон я ночевала у цыган, оседлых, конечно. Мы сидели за столом, они мне пели песни, а я им читала стихи Блока. Позже в редакцию позвонил самый молодой цыган (он меня 7 километров провожал до райцентра по зимней дороге), и попросил списать слова.

Вот такими мы были дураками. Но зато материала привозили много и шили, шили и шили...

Обычно журналисты ищут темы. Но бывает, что темы находят нас. Как-то давала интервью студентке местного журфака. Она спрашивала про источники информации. «Да весь мир — источник, — говорю. — Но самый главный — ОБС (одна баба сказала)». Ох, она смеялась...

А ведь правда, сколько тем извлекаешь из простого общения, часто случайного. О Жене Романенко, герое очерка, попавшего в номинацию конкурса, я узнала в парикмахерской, где бывает его бабушка.

Женщины рассказывали и плакали.

А я же не хотела писать о погибших в СВО — уж очень тяжело. Но тут поняла, что буду.

Об ушедших принято говорить хорошо. Чтобы не впасть в прекрасодушие, я встречалась с родителями Жени, с его бабушкой, с его первой учительницей, с классным руководителем, с его одноклассниками, с его однокурсниками по медицинскому институту, с его тренером, с ребятами из футбольной команды, звонила однополчанам...

Он действительно был прекрасным парнем. Прирожденным воином, благородным и добрейшим человеком. Красивым и внешне, и душой. Я ничуть не преувеличила.

Спрашивала маму Жени о его любимых книгах. Она назвала фэнтези Веры Камши «Отблески Этерны». Я начала читать и читаю до сих пор, потому что в серии — частей пятнадцать, не меньше. Очень этому рада.

Всякий раз, когда открываю очередную книгу, кажется, что прекрасный мальчик Женя Романенко склоняется над страницами вместе со мной. Потому и хочется, чтобы книга эта не кончалась.

&